

Umbrella

Стеклянные ночи

Umbrella Umbrella

СтеклЯнные ночи

<https://litres.ru/73986541>

SelfPub; 2026

Аннотация

Окдин — авторитарное государство, жестоко контролирующее искусство. В нём писательство является лишь однотипным средством пропаганды, а художественная литература с героическими солдатами и их «подвигами» — чуть ли не заменой документальной истины.

Добро пожаловать в мир, где отчаянно пытаются вместе сосуществовать остатки творчества и всеобъемлющая цензура, любовь и безразличие. Сможет ли в таких условиях молодой Искатель найти вдохновение и понимание среди людей, чьи взгляды не разделяет? Куда приведёт судьба этого маленького писателя, жаждущего наконец взяться за перо?

Содержание

...	4
I	5
II	15
III	21
IV	27
Ночь первая	32
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Umbrella

Стеклянные ночи

...

Я всегда буду благодарен К. Без тебя эта книга выглядела бы во многом иначе. Интересная вещь — вдохновение...

I

Давайте будем звать его Искателем. И не потому, что его имя не важно для истории, а лишь по той причине, что сам герой был бы рад такому имени. Спасибо за ваше понимание

Искатель вышел из подъезда громадного многоэтажного дома и закрыл за собой металлическую дверь. Он шёл с маленьким чемоданчиком, внутри которого было множество файлов с листами бумаги. Парень оглянулся по сторонам, посмотрел на застланное дымом утреннее небо, и, сжав ручку маленького чемодана посильнее, пошёл вдоль двора. Запах мусора сразу ударил ему в ноздри, однако тот даже не прищурился от вони.

Он шёл на остановку небрежно и нехотя. Несмотря на летнее время года, весь город был застлан туманом. И это был не обычный утренний туман, присущий ранним часам, а что-то иное. Какое-то вещество, привязавшееся к городу и не отпускавшее его. Ближе к вечеру туман чуть расчищался и становился слабее, позволяя людям разглядеть верхушки многоэтажных зданий.

Героя, безусловно, раздражала серая пелена. Временами он даже терялся в городе и не мог найти дорогу домой, так что приходилось с неловким видом обращаться к прохожим. Но на что он смотрел с действительным презрением — многочисленные плакаты на стенах. Администрация города ис-

пользовала специальные светильники, чтобы их было видно даже в тумане.

Дойдя до остановки и принявшись за ожидание своего автобуса, Искатель по привычке начал осматривать окружающие его многоэтажные серые дома. И вновь его взгляд зацепился за светящийся плакат. Кажется, повесили его совсем недавно.

«Помогите фронту! Номер горячей линии – 9180.» – твердило белое объявление, нарисованное красками от руки.

В несколько десятков метров висел другой плакат.

«Станьте цензором Окдина! Номер...» — остальную часть за туманом не было видно. Плакат был освящён менее ярко.

Взор Искателя с лёгкой паникой попытался найти другой объект внимания, однако туман перекрывал всё. Герой не видел за пределами остановки ни людей, ни окон, ни детских площадок. Весь окружающий его мир будто и был той остановкой. Он закрыл глаза, чтобы не видеть тумана, и во тьме начал воображать.

Мысли были о красках. Парню вдруг представился холст и ведро, поголовно наполненное разными цветами. Он улыбнулся, затем взял тяжёлое ведро в руки и вылил содержимое на холст. Что-то вроде эйфории произошло по его телу. Он смотрел на холст, доверху забитый разными красками: жёлтый, красный, синий, зелёный, розовый...

Его поток прервал гудок. Облако машинного газа про-

шло по ноге. Автобус приехал. Искатель закрыл двумя руками нос, дабы бензинная вонь не настигла его, и зашёл в салон. Дверца закрылась за молодым человеком, противно скрипя. Он быстрым взглядом прошёлся по камере видеонаблюдения, висевшей в углу, и сел напротив запотевшего окна.

Салон был почти пуст. Лишь две пожилые женщины сидели вместе впереди искателя. Внутри автобуса было душно, так что герой поспешил расстегнуть пальто. Искатель посмотрел на потолок. Множество маленьких металлических труб проходили вдоль салона, очевидно, предназначенные для транспортировки бензина. Он почему-то воспротивился этому и опустил голову. Сидя смирно, его взгляд всё ещё искал за что зацепиться. Вдруг, до слуха Искателя дошли обрывки разговора тех дам, сидящих спереди.

— Да что тут думать, — говорила одна чуть ли не криком. — Сила Окдина неисчерпаема! Вы читали последний роман?

После этой фразы Искатель заметил красное платье этой женщины. Оно было большим и массивным, занимало чуть ли не два места сразу. Голубое платье же её соседки, как и фигура, было скромнее и сдержаннее.

— Нет, — ответила она тихо. — А что там?

Искатель знал этот роман. Он был знаком почти со всеми произведениями, написанными писателями Окдина. Женщина в красном невольно посмеялась, видимо, от невеже-

ственности своей собеседницы, и широко открыла рот:

— Главный герой жертвует собой и своей семьёй, чем приближает победу Окдина! — уже вскричала она на весь автобус. — Ах, как это печально, но как вдохновляет!

Искатель тяжело вздохнул и посмотрел на женщину в голубом платье.

Она слегка вздрогнула, то ли от такого легендарного сюжета, то ли от крика её пухлой собеседницы.

— Да, но мы же не знаем, как там на самом деле, — ответила она спокойным тоном. — Побеждаем мы или нет... новостей не было.

Лицо женщины в красном показало ярое возмущение.

— Как же, — вновь прошлись её вопли по всему салону. — Как же не знаем? Это же, считай, документальная литература!

На пожилую в голубом прилетела парочка скомканных слюней. Искатель отвернулся, но продолжал слушать двоих. Женщина в красном продолжала вопить.

— Вы что же, не верите в силу нашей могучей страны? — прошлось по салону. — Победа будет за Окдином!

Женщина в голубом повернулась в запотевшее окно. Она пыталась скрыться от слюней, летевших изо рта её громкой собеседницы.

— Да победим мы, победим — поспешила она согласиться и опустить глаза. — Сама хочу верить, внук на фронте...

Пожилая дама в красном после такого сладостного для неё

соглашения поправила своё пышное платье и сделала гордый вид.

— То-то же.

Тем временем Искатель через запотевшее окно разглядел очертания нужной ему остановки. Он мысленно попрощался с пассажирами и вышел. Запах бензина вновь сменился на откровенную вонь. За время его пребывания в автобусе, на улице стало жарко и душно. Парень задумался о том, что пора бы уже перестать носить пальто, и пошёл в сторону одного огромного здания.

Туман стал чуть слабее, хотя всё ещё перекрывал большую часть города. Наш герой глядел по сторонам, но сквозь дым видел лишь те самые светящиеся плакаты, постоянно призывавшие людей к чему-то. То они говорили стать волон­тёром, то военным, то грузчиком на государственных складах, то снова военным. Парень пришёл к выводу, к которому, в прочем, приходил всегда: проще смотреть в тротуарную плитку.

Так он дошёл до нужного здания. Его вершину, опять же, не было видно за туманом. Маленькие трубы проходили под землёй и небрежно выпирали наружу. Из них на землю медленно падали капли грязной воды. Искатель не хотел смотреть на это, так что поспешил дёрнуть ручку двери и зайти внутрь.

На первом этаже здания до нашего героя донёсся резкий запах чернил и крепкого кофе. Искатель работал, как можно

было догадаться, в писательском отделе Окдина — огромное здание, которое было в каждом городе. Он расслабил ладонь и показал охраннику свой писательский пропуск. Лёгким движением пальца надзиратель приказал ему заходить.

На первом этаже располагалась столовая, где работникам позволялось немного передохнуть за чашкой просроченного кофе с неприятным смрадом. Грязные столы отторгали Искателя, поэтому он никогда здесь не ел, предпочитая голод. Не обращая внимания на трубы, слегка выпирающие из потолка, Искатель направился к большой лестнице.

Запахавшись, он добрался до третьего этажа — зоне сочинительства. На этом и четвёртом этаже множество писателей сочиняли романы. Звук клацанья по печатной машинке (часть работников работала именно на них, а часть на старых компьютерах) одновременно и успокаивал, и раздражал его слух. Он потянулся, прошёлся к третьему ряду и сел за светящийся экран. Герой нажал на замшелую кнопку — экран загорелся красным, потом зелёным, и в конце синим. Почему-то эти цвета цепляли его взгляд, будто что-то и правда значили.

Спустя мгновение монитор потух, и через секунду загорелся вновь. Взору Искателя представился рабочий стол. Парень щёлкнул мышкой по ярлыку программы для сочинительства, и вот перед ним уже пустой лист.

Он, чуть подумав и нервозно оглядевшись, начал печатать по слегка замшелой и жирной клавиатуре:

«Был солнечный день. Маленькие лучи освещали поляну. Воин, сложив оружие, отдыхал вместе со своими товарищами.»

Вдруг — топот каблуков по плитке. Герой прищурился на секунду, будто пытаясь от него скрыться. Это шла по душевному офису девушка из отдела цензуры. И хотя цензоры занимались своей работой лишь после того, как им принесут полный текст редакторы, некоторые из них любили искоренять проблемы сразу.

Девушка проходила по рядам, иногда молча останавливалась и указывала пальцем в монитор, говоря работнику: «Исправь». С каждым таким холодным «Исправь» Искателю становилось всё жалобней и страшнее.

Так она стремительно дошла до третьего ряда.

Парень резко зашевелил руками, будто пытаясь закрыть монитор от её глаз, но всё было тщетно. Девушка, сверкая тёмными каблуками, пристально всмотрелась в белый лист писателя.

Она недовольно фыркнула.

— И что это?

Искатель повернулся в её сторону. Фигура с достаточно чёткими бёдрами и упитанной грудью нависала над ним. Цензорша уставилась на героя в ответ.

— А, снова ты.

Её фраза прошла грозным топотом по его ушам. Он едва сдерживал дрожь. Работнику казалось, что сейчас эта жен-

щина достанет из своего кармана кожаный кнут цвета её каблуков и начнёт хлестать его. Однако было в её грозной фигуре и что-то привлекательное для Искателя, и он противился этому чувству.

Работница глубоко вздохнула, как вздыхают родители, когда их маленький ребёнок сделал что-то не так.

Она резким движением руки схватила чемодан Искателя, отчего парень немедленно вздрогнул. Девушка закинула свою руку внутрь и начала рыскать. Парень хотел возразить и уже открыл рот, как вдруг цензорша достала из чемодана большой лист с написанными от руки предложениями.

— Вот образцы, — сказала она строго. — Писать надо по ним, сколько ещё мне тебе повторять?

Искатель не мог выронить и слова. Он был оглушён этой физиономией, стоящей перед ним и указывая ему, как писать.

Спустя несколько секунд его ступора, девушка снова вздохнула и облокотилась на стол, уставясь на экран.

— Ну вот что за «Воин»? — твердила она, указывая длинным ногтем на слово. — Пиши: «Морпех Окдина...»

Искатель начал робко стирать написанное и набирать под её диктовку.

— И что ещё за «Маленькие лучи»? Нам зачем такие подробности? Солнечный день уже подразумевает то, что на поле будут падать лучи. — сказала цензорша уставшим тоном. — Как же с вами сложно!

Искатель не хотел стирать предложение про лучи солнца. Девушка, увидев его бездействие, ещё раз фыркнула.

— Стирай, — прошёлся холод по ушам.

В этот раз Искатель послушался. Он аккуратно удалил строчку, будто её никогда и не было. Цензорша пододвинула к нему листок с образцами.

— Пиши по ним, — заключила она и направилась дальше по рядам.

Искатель искоса смотрел ей в след. Дальше она ещё оставалась у нескольких писателей, но лишь на пару секунд. До героя доносились холодные «Ага» и «Угу». Спустя несколько минут он сделал растяжку и взглянул мёртвыми глазами на листок с образцами:

«Главный герой – Солдат Окдина/Морпех Окдина. ВСЕГДА введёт войну и искренне ненавидит Солказию. Должен быть доблестным и мужественным, считать службу Окдину своим долгом. Должен быть готов отдать жизнь за свою Родину.

Образцы пейзажей:

Холодное поле битвы (допускаются окружения: реки, овраги, обрывы, изредка — хвойные леса)

Обломки зданий, заросшие сырым мхом (захваченные окдинскими солдатами)

Полуразрушенные, но всё ещё функционирующие здания в Солказии

Грязный двор в Солказии

Улица в Окдине с чистым тротуаром (можно описать красивые плакаты.)

Величественные казармы Окдина

При придумывании своего пейзажа, и, возможно, последовательного добавления его в этот список, необходимо разрешение главного цензора.

Образцы сюжета:

Герой...»

Искатель прекратил читать и глубоко вздохнул, прикрыв лицо ладонью. Через маленькую щель меж пальцев он смотрел на монитор, на котором было написано лишь два предложения. Он прокашлялся от грязного воздуха и вновь принялся за работу, попутно убедившись, что цензорша ушла.

II

Уже стемнело. Искатель вышел из огромного здания, тяжёлая дверь за ним громко захлопнулась. Туман уже поубавился, но ночного неба всё также не было видно за грязным дымом.

Рядом, в нескольких десятках метрах от писательского отдела, располагалось такое же здание. Парень, каждый раз уходя с работы, невольно смотрел на него и задавался мимо­лётным вопросом: «Что в этой огромной баррикаде происходит?» Никаких вывесок на ней не было, люди по делу туда также на его глазах никогда не заходили. Так и стояла это тёмная стена в городе, возможно, являясь лишь одной большой витриной для плакатов. Искатель остановился на этой мысли, и ему она показалась несколько забавной. Он улыбнулся, но почти сразу эта улыбка растворилась и больше на его лице не возникала.

Вновь дойдя до остановки, наш герой стал ждать очередной автобус. Позади него на лавке сидели двое мужчин примерно того же возраста, что и Искатель. Они, в отличие от тех дам в автобусе, уже разговаривали тихо, будто боясь, что их разговор кто-то услышит. Однако до острого слуха Искателя всё же смогли долететь некоторые слова.

— Ну что, дописал? — говорил молодой человек, почёсывая рукой затылок; благодаря этому Искатель боковым зре-

нием заметил у него на руке дорогой перстень.

— Не-а — отвечал ему собеседник, покачивая головой и улыбаясь. — Цензорша сказала всё переписывать.

Искатель на миг вздрогнул. Мужчина с перстнем на пальце засмеялся и шуточно толкнул своего товарища в плечо.

— Ну и правильно, — говорил он уже без шёпота. — Нечего дурь нам всякую в литературу пропихивать! Ну что, этим вечером как обычно?..

Их дальнейший разговор наш герой уже не слышал. Или не хотел слышать. Вновь закрыв глаза, он вернулся к своему холсту. Рядом с ним, на маленькой тумбочке, лежала маленькая тоненькая кисть. Он взял её в левую руку, окунул в чернильницу, и начал водить инструментом по холсту. Тёмно-синие линии сильно контрастировали с яркими цветами красок, но это лишь подпитывало интерес в Искателе. Такие разные они, цвета...

Его кто-то толкнул. Случайно. Парень открыл глаза и посмотрел вперёд: автобус вновь стоял перед ним. Он сжал свой чемоданчик крепче, боясь его выронить, и снова зашёл в салон.

В автобусе было много людей, он был почти переполнен. Пассажиры толкались, иногда браня друг друга различными словами, от них пахло потом. До Искателя доносились обрывки чьих-то возгласов и бессвязных звуков. Он попытался закрыть глаза, но противный запах табака (здесь ещё кто-то умудрялся курить) резко ударил в него и откинул бы на па-

ру метров, было бы здесь не так тесно. Парень прокашлялся. Слабо держась за поручень, он мог лишь попытаться вздохнуть чистого воздуха. Вдруг автобус резко завернул за угол, и нашего героя повело. Его рука слетела с шеста, и парень упал. Ушибившись головой, он поспешил сразу же встать на ноги. Ему казалось, что если он помедлит, то масса этих людей попросту раздавит его, даже не заметив.

У героя вышло встать, чему он смутно обрадовался. Оставалось только дожидаться остановки.

«Поперечная!» — послышался грозный, громкий голос водителя.

Искатель поспешил протиснуться между людьми к двери, попутно пытаясь снова не оказаться на земле. Все вокруг смотрели на него с холодом и презрением, но, к счастью, он не замечал их взгляда. Как только автобус остановился и двери со скрипом раздвинулись, наш герой выпал на остановку. Его кто-то толкнул, насильно выгоняя из салона.

Вылетев из автобуса, он вновь упал. Его чемоданчик, как бы герой не пытался удержаться за ручку, жестоким порывом выскользнул из пальцев, грубо приземлился на плитку и раскидал бумаги по земле. Искатель, обессилив, лежал на земле безмолвно. Не ясно было ему, почему в тот момент ему так тяжело было встать.

И вот когда он уже двинулся вверх, дабы подняться, сзади его кто-то аккуратно подпёр. От этого он вздрогнул и чуть-ли не упал вновь. Чьи-то маленькие ладони вдруг взя-

лись за его локоть, помогая встать. Стоя уже на ногах, герой оглянулся. Это была девочка лет двенадцати. Она была одета в непривычную для людей Окдина одежду: белое платье и светлые туфельки. Её короткие чёрные волосы, закрученные вихрем, лишь подчёркивали и выделяли в ней то отклонение от привычного для Искателя фона.

Герой вдруг опомнился, слегка смутился и начал поднимать лежавшие на полу бумаги. Девочка принялась ему помогать.

— Вы не ушиблись? — вдруг начала она искренне.

Искатель вздрогнул, стоя в ступоре ещё несколько секунд.

— Нет, — ответил он наконец с удивлением.

— Ну вот и хорошо, — улыбнулась она. — Значит, мама меня похвалит! Знаете, она сегодня не в настроении проснулась и отругала меня.

Искатель посмотрел на девочку с недоумением. Она заметила этот взгляд.

— За что, спросите? — словила его мысль это крошечное создание. — Да вот, сама не знаю. Вот думаю, сделаю доброе дело — и, может, перестанет злиться. Знаете, она у меня довольно вспыльчивая, сразу как возьмёт метлу...

Вдруг она прервалась и засмеялась слегка истеричным смехом. Искатель не знал, что ответить девочке. Вся эта ситуация слишком внезапна и даже нелепа. Вдруг она случайно опустила глаза на последний листок бумаги, что всё ещё держала в руках. Это был, как ни странно, листок с образца-

ми. Её глаза засверкали.

— Вы что, пишете?

Искатель попятился и осмотрелся. Конечно, взгляды прохожих уже стремительно сверлили его недоверием и даже чем-то гадким. Он повернулся к девочке и, глубоко вздыхая, ответил тихое «Да.»

— Ух ты, — воскликнула она грандиозно. — Это, наверное, так классно! Никогда не думала, что повстречаю самого настоящего писателя Окдина!

— Да нас много ходит на самом деле, — пробормотал Искатель.

Девочка широко раскрыла рот от удивления. Парень, неловко почесав затылок, забрал из её слабеньких рук листок и положил его обратно в свой чемоданчик. Он аккуратным и добрым тоном поблагодарил девочку и направился в сторону своего дома. Пройдя пару метров, она его вдруг окликнула.

— Извините! — пронеслось по воздуху. — Научите меня писать!

Искатель остановился. Девочка подбежала к нему.

— Я хочу научиться писать также красиво, как писатели Окдина! — воскликнула она, отчего парню стало почему-то противно.

Искатель сжал ручку чемодана, прищурил глаза и повернулся к девочке.

— Чего ты хочешь? — переспросил он неуверенно, будто с первого раза не услышал.

— Писать, как... да хоть как вы!

Парень весь задрожал. Что-то на секунду кольнуло у него в груди, но он постарался скрыть это и не заметить. Он кашлял, перекрывая рот рукой.

— Нет, — прервалось её восхищение. — Найди кого-нибудь другого.

И с этими словами наш герой поспешил прочь. Надолго он, скорее всего, запомнил образ этой маленькой девочки в белом платье, что смогла впервые за долгое время затронуть в нём хоть что-нибудь.

III

Его маленькая квартирка не отличалась особым уютом. Когда Искатель только заселился, ему она постоянно казалась тесной и даже пугающей. Это чувство пустоты, что сразу же начинало ерошиться в его груди при входе в апартаменты, постоянно волновало и давило. Он каждый раз смотрел бледными глазами на тусклый стол, серые стены и свою заправленную кровать. У неё, кстати, было окно с видом на всё тех же многоэтажных существ. Причём днём туман едва ли давал разглядеть даже их.

Но со временем он смирился, подавил это чувство в себе. Утопил его, приказав своему телу больше никогда не возвращаться к этому недоразумению. Но тело тогда его не послушало. И вот всё также: каждый раз при заходе в квартиру оно вечно давит, но уже рассчитывая силы, чтобы Искатель не разозлился вновь.

С этим заглушенным чувством он посмотрел на стол, и, обойдя мятые упаковки из-под лапши быстрого приготовления, подошёл к кровати. Взглянув в окно на секунду, будто пытаясь за ним что-то найти, он лёг в постель. Сегодня парень сильно вымотался, так что решил даже не переодеваться. От недостатка сил Искатель заснул почти сразу.

Каждую ночь ему виделся сон. Сон, которого он не понимал, но которого почему-то сильно боялся.

И каждый раз происходила лишь одна сцена:

Музей. Поздний день, или ранний вечер (герой не мог понять точно). Искатель в возрасте мальчика держит за руку женщину... кажется, маму. Он смотрел на неё беззаботным взглядом, та глядела на лучистое лицо сына в ответ. Длинные тёмные волосы её имели приятный кокосовый запах.

Музей, кажется, только открылся, ведь повсюду висели плакаты с лозунгом «ПЕРВЫЙ ДЕНЬ...». Название было размыто. Под ногами с каждым шагом был слышен стук по чёрно-белой шахматной плитке.

Мальчика окружали разные произведения искусства от многих авторов. Это были картины, глянцевые изделия разных форм и размеров, подчёркивающие разнообразную культуру Окдина.

В начале сна постоянно повторялся один и тот же разговор между сыном и матерью.

— Мам! — говорил мальчик, принюхиваясь.

— Ну чего, солнце? — с душой отвечала ему молодая девушка.

— А купим мне потом такой же шампунь?

После этого она всегда начинала смеяться.

— Что, тоже хочешь пахнуть кокосом? — по-доброму подмечала она, интенсивно поглаживая его по голове, отчего волосы мальчика слегка комкались.

После этого он всегда смотрел на её лицо. Искателю оно всегда виднелось чистым, но в то же время... размытым? Он

не мог выделить конкретные очертания. Но в моменте это его вовсе не пугало: сознание будто само достраивало картинку, хотя глаза не видели правды.

Так они каждый раз доходили до пьедестала с голубой вазой. По какой-то причине, мальчика она вечно привлекала. На ней красовались разные узоры и трещины. И с каждым таким сном Искатель замечал, что этих самых трещин становилось всё больше. Так сейчас ваза была почти полностью окутана ими, чем ещё больше завлекала детский взгляд.

— Мама, мама! — почти кричал он.

— Ну что опять? — отвечала она заботливым тоном.

— Можно мне вазу... потрогать?

Женщина постоянно оглядывалась и смотрела на одного из гидов. Это был упитанный мужчина в деловом синем пиджаке и с золотым моноклем на левом глазу. Он в ответ на взгляд матери всегда улыбался и одобрительно кивал.

— Ну можно, можно, — отвечала своему сыну мама. — Только чутка!

И весь радостный, освещаемый оранжевыми лучами солнца, мальчик подбегал к вазе. Пьедестал был достаточно высок, но он вполне мог до него достать кончиками своих тонких пальцев. Мама смотрела на своего ребёнка с умилением. Она скрещивала ладони и прижимала их к левой щеке.

После этого он каждый раз закрывал глаза.

В этот момент ему всегда хотелось как обычно моргнуть, но странным образом выходило, что веки его смыкались на

долгое время. Когда Искатель открывал их, сразу же слышался треск. Лучи солнца, освещающие коридор музея, гасли. Становилось темно.

Мальчик смотрел на шахматный пол, и его глаза заливались слезами — осколки голубой вазы были небрежно раскиданы по полу. Он вдруг осматривался вокруг: злые, противные, мерзкие взгляды окружающих людей сверлили его. Из некоторых этих глаз сочились тёмные голубые лучи. Существа из толпы скалили зубы, подобно зверям из леса.

«ВИ-НО-ВЕН! ВИ-НО-ВЕН!» — слышал громкие крики Искатель то-ли в своей голове, то-ли наяву.

И тогда слёзы мальчика капали на плитку, и он оборачивался. Сзади него всегда стояла мама, всё ещё освещаемая солнечным светом. Она смотрела на него с грустью, но в то же время глубоко и искренне понимала своего сына.

Искатель сразу бросался к ней на грудь, впивался в плечи руками, начинал рыдать и визжать. Его визг проходил по помещению, заставляя людей вокруг недовольно фыркать. Мама молча хлопала сына по спине, и тоже пыталась сдержать слёзы.

— Я всё испортил! — кричал мальчик в раскаянии и истерике. — Из-за меня, из-за меня, из-за меня!..

Мать ничего не отвечала. Она лишь крепче прижимала сына к себе, а мальчик утопал в её тепле, пытаясь скрыться от всех этих звериных взоров.

— Виновен! — слышал он наконец голос краем уха. —

Виновен!

Это был тот гид. Его монокль разбился, и из левого глаза тоже засветил голубой луч. Кончики его пиджака были разорваны в клочья.

Он тяжёлыми шагами подходил к мальчику, намереваясь забрать его. Искатель начинал ещё громче кричать, пытаясь этим криком перебить вой толпы. Когда же гид почти подошёл к двоим...

Он проснулся. И очнулся он не с тем облегчающим чувством, с которым обычно просыпаются после кошмара. В его сознании этот сон даже не назывался кошмаром, но по-прежнему заставлял дрожать. Страх был более глубок, затерян в сознании, как и чувство пустоты при входе в квартиру.

За окном шёл серый дым. Искатель посмотрел в него на миг, и сразу же встал с кровати. Он пошёл на кухню, поставил белый чайник на плиту, заваривая лапшу быстрого приготовления. Парень тяжело вздохнул.

— Я не помню её. — вдруг сказал он вслух тихо.

Он действительно не мог вспомнить образ своей матери. Точнее, он знал некоторые детали, черты лица (например – родинка на правой щеке), но полностью изобразить её у себя в голове не выходило. Та женщина из его сна была похожа на неё, но этот образ был собран лишь из обрывков воспоминаний, словно неправильный пазл. И всё же каждый кусочек был важен для него.

«Почему я забыл?..» — вскользя задавался вопросом па-

рень.

Искатель помнил, что всё его детство проходило именно в этом городе. Теперь мысль была о другом: что это за странный образ музея? Он никогда не был в подобных местах ранее. По крайней мере, не помнил этого. Да и в родном городе его никогда не существовало ни одного музея.

Кислый запах газа ударил в ноздри. Искатель выключил плиту и приготовил себе лапшу. В упаковки с ней обычно всегда клали приправы, но парень вечно ел без них.

В его руках вилка чуть противно и резко скрежетала по тарелке. Доев лапшу и выпив бульон, он прокашлялся, взял свой чемоданчик и вышел на очередной рабочий день.

IV

«Почему я забыл?» — постоянная мысль отбивалась глухим колоколом.

На протяжении недели он продолжал отдавать долг Окдину и ходить на работу. Искатель уставал, возвращался домой, ложился в свою слегка грязную постель, вновь вставал, думая о своём сновидении. В этом потоке он заплутал, не видя дороги за густым туманом. Плакаты на улицах, огромные многоэтажные дома, грязные трубы, переполненные автобусы — всё начало смешиваться в одно единое пятно.

Календарь, висевший на кухне в его квартире, уже давно застыл на пятом июле. Цвета на мониторе в сочинительском отделе: красный, зелёный, синий — все они тоже временами мелькали перед ним. Всё было одно и едино.

Этот поток так бы и шёл целую вечность, если бы не прервало его одно известие.

В очередной рабочий день, пока Искатель был в обыкновенном раздумье при написании военного романа, двери третьего этажа с грохотом распахнулись. В сочинительский отдел, как всегда, зашла цензорша, но теперь она держала в руках какой-то листок. На лице её читалось раздражение.

— Послушайте! — вдруг сказала она громко.

На неё посмотрел лишь Искатель. Остальные не услышали её в громком шуме печатанья.

— Послушайте!! — крикнула она раздражённо.

После этого на неё уже повернулись все. Цензорша прокашлялась и начала монотонно, будто в громкоговоритель, зачитывать с листка:

«Указ Министерства Обороны Независимой республики «Окдин».

Уважаемые писатели Окдина! Спешим вам сообщить, что, в соображениях расширения военно-технической промышленности, мы вынуждены перестроить этот писательский отдел, соорудив из него отдел по производству военной техники и нового оборудования.

Следуя из этого, вашим новым местом работы станет недавно открывшийся отдел на окраине вашего города, по адресу...»

Искатель прикрыл лицо двумя ладонями. Белый свет из монитора окутывал его руки. Мысли перемешались, превратившись в кашу.

Цензорша поспешила закончить речь и раздала каждому бумажки с адресом нового места работы. Она очень сильно спешила куда-то по заданию, так что не задерживалась на нашем герое.

Выйдя с работы, Искатель осмотрел бумажку. Уже завтра ему нужно будет сесть на другой автобус, увидеть других людей, созерцать своим видом иную часть города. Он незаметно для себя разделился: одна часть его была рада новой вести, другая же тянула его грустить по этому поводу и спорить

с самим собой.

— Это-же хорошо! Ты устал от этого места! — твердила первая частичка.

А вторая часть всегда осматривалась вокруг и видела всё тот же туман. Туман, закрывающий вид. Дым, что вечно не даёт взглянуть на яркое небо.

— Мы лишь покидаем то равновесие, — холодно отвечала она.

Однако пройдя в этом раздумье до остановки, Искатель вспомнил кое-что важное. Мимо всех писателей в тот момент это пролетело, но за него зацепилось.

— Место работы у леса. Окраина города... — сказал он уже шёпотом.

И две спорящие частички вдруг затихли. Однако Искатель не понимал, что в этом лесу хорошего или практически-го. Почему мимолётное упоминание такой вещи взволновало его?

Он в очередной раз сел в переполненный автобус, но уже не замечал духоты и неприятных запахов. Люди толпились, ругались, но эти слова долетали до Искателя смутно. Он задался вопросом, и видел лишь его. Никто иной не смел прерывать его раздумий.

«Поперечная!» — едва услышал парень голос водителя.

Когда герой выходил из салона его кто-то намеренно толкнул, но он и этому не придавал значения.

Он старался не обращать внимания на туман, не смот-

рел на светящиеся вывески и таким образом дошёл до дома. Огромная железная дверь спокойно отворилась.

Он зашёл в свою квартиру всё с тем же пустым чувством. Однако почему-то, на мгновение, оно стало отзываться в нём ещё тише. Его вытеснял тот вопрос, который не давал Искателю внутреннего покоя. Именно внутреннего, ведь внешне глаза его смотрели на всё как обычно. Он снял своё пальто и лёг на кровать.

На удивление для самого себя, он заснул быстро. Кажется, Искатель уже слышал шелест лесных листьев и чувствовал на себе свет тёплого летнего солнца. Закрыв глаза, он ходил по траве, огибая вырубленные стволы деревьев. Как вдруг, как-бы ему на встречу, вылез холст. Рядом с ним на тумбочке лежали всё те-же краски. Он взял кисть в руки и начал водить по белому.

Несуразные линии, измазанные в краске руки, странные сочетания цветов... какая разница? Это было его творением. Он рассматривал холст и на сердце его стоял покой.

Он надолго закрыл глаза. Шум леса куда-то делся и на смену ему пришёл шёпот людей и топанье ног по плитке. Они обсуждали красивые картины различных художников Окдина, отлично выгравированные изделия, статуи...

Он открыл глаза и вновь стал мальчиком. И за руку его опять держала эта молоденькая женщина, его мама. Искателю стало не по себе. Его оторвали от любимого дела! Но тёплую руку матери он отпустить уже никак не мог.

Всё повторилось: голубой свет лучей, ваза и её треск, вопли и его собственный душераздирающий крик. Но дорогая мать всегда была готова принять своё дитя в любой ситуации. Тепло... от неё так тепло, даже в этом аду. Почему же он не вспомнит её лица?

— Виновен!

Он закрыл глаза, пытаясь уйти от этого в темноту.

— Виновен!

Искатель проснулся. Крик толпы всё ещё звенел в ушах. Он пошёл на кухню, не умывшись. Приготовил лапшу быстрого приготовления, унюхал кислый запах газа. Всё было как обычно, но что-то в душе его ёрзало и бегало. Если это обычное волнение, то по какому поводу? Из-за леса? Но что такого в обычной куче деревьев?

Подойдя к зеркалу, он и не заметил, насколько его рубашка пропиталась потом. Он не менял её несколько дней — не успевал об этом подумать. Однако сейчас ничего уже не сделаешь: работа слишком далеко и если задержаться хоть на миг, отойти от привычного плана, то непременно опоздаешь.

Ночь первая

Выйдя на серую улицу, Искатель как обычно пошёл к своей остановке. Но сегодня особенный оттенок — ему нужно ехать далеко и надолго. В душе всё ещё что-то бегало.

Тело его невольно вздрогнуло, когда он пропустил свой обычный автобус. Парень смотрел ему вслед увядающим взглядом. Вчера у него было последнее свидание с этой громадной машиной.

Искатель печально вздохнул, будто на автобусе этом уехал кто-то очень близкий и важный ему.

Однако чувство скорби смешивалось с чувством предвкушения, и парень не понимал, что именно он предвкушает. Будто важное событие должно произойти, и непременно произойдёт. Это врождённое чувство, сравнимое с обыкновенной интуицией, витало в нём.

Он не хотел в этот раз закрывать глаза, а плакаты на улицах казались ему ещё более размытыми. Вдруг послышался всплеск машинного газа. Подъезжал второй автобус.

Искатель начал с жадностью осматривать его корпус. Транспорт был ярко-голубого окраса. На нём виднелось пару трещин, а эта краска, по всей видимости, должна была прикрывать их.

Потрескавшиеся двери автобуса открылись, однако герою они показались самыми прекрасными. Он зашёл в салон весь

дрожа. Внутри отдавало резким запахом краски, но совсем слабым. Парень посмотрел на потолок — трубы торчали точно также, как и в первом автобусе. Но они были покрашены в голубой, и цвет этот смягчал их уродство.

В автобусе было умеренное количество человек, но он не был переполнен, как часто бывает в городе. Он сел на свободное место у окна. Оно запотело, но Искатель спокойно смыл конденсат и посмотрел на город. Огромные многоэтажные здания уходили назад во время движения автобуса, не давая зацепиться за них взглядом. А если автобус и останавливался, то здания перекрывал туман.

На одной из остановок в салон зашёл мальчик лет тринадцати с полными руками газет. Он робко оглянулся по сторонам, осмотрел пассажиров и засмутился.

— Р-раздача новостей! — дрожащим голосом уведомил он весь салон.

Все вокруг сразу начали шептаться. Искатель вздрогнул.

— Н-новости? — случайно произнёс он вслух.

Он уже хотел встать с места и подойти к мальчику, однако тот, увидев в нашем герое инициативу, подбежал первым. Искатель нервно достал из кармана свинцовую монетку и протянул мальчику. Молодой новостник улыбнулся и протянул ему скомканную газету.

Парень дрожащими руками раскрыл её. Пёстрый заголовок «ОКО ПРАВДЫ» блеснул в глаза. Этот журнал был совсем новым, до этого граждане вовсе не получали никаких

новостей ни о чём, если это напрямую не касалось их работы или окружения.

Искатель пробежался по строчкам. Были статьи и про смену писательского отдела на военный завод (причём подчёркивалось, что это увеличит эффективность войск в несколько раз), новости о постройке новых зданий, про увеличение осадков в некоторых районах...

«Стоп», — подумал Искатель. — «А где же про это?».

Под «этим» он подразумевал новости про войну с Солказией. Перевернув газету несколько раз в надежде хотя бы на пару слов о текущей военной ситуации, но ничего не было.

Он сложил новости к себе на колени и вновь смыл конденсат с окна. Искатель боялся порвать или потерять такую новую вещь, как газету, однако смысла в ней почти не было.

Мальчик, раздав новости, вышел на следующей остановке. Спустя полчаса и черёд Искателя подошёл.

«Граничная!» — кричал водитель, и этот голос показался герою знакомым. Водитель прошлого автобуса теперь пересел на этот.

И с такой обычной мыслью он вышел на остановку вместе с остальными. Осмотрелся. Сзади действительно длинной полосой шёл лес. Яркие зелёные листья деревьев на секунду завлекли его. Когда он в последний раз видел что-то подобное? И даже неважно, если половина деревьев застлана туманом — ведь они там есть. Там, за этим серым слоем, простирается нечто живописное и прекрасное.

Однако долго ему задерживаться никак нельзя было. Он повернулся к высокому зданию и поспешил догнать других работников писательского отдела, давно отошедших метров на десять.

Все держали одинаковые чемоданы. У некоторых была серая шляпка на голове, прикрывавшая от солнца в такой жаркий июльский день. Искатель ненароком посмотрел одному из них в глаза. В них он увидел холод и безразличие, с которым люди обычно идут на нелюбимую ими работу, и с которым шёл последнюю неделю он сам. Однако сейчас лицо героя слегка отличалось от этого. Думая о новом рабочем месте, на нём проскальзывала улыбка.

Он дошёл до входа. Ржавые железные двери медленно отворились, впуская в здание людей. Все начали толпиться и толкаться. Во входном коридоре было слишком тесно.

На первом этаже не было столовой, не было никакого намёка на комфорт. Лишь лестница и старый надзиратель, всё также проверяющий пропуска. Искатель уже вытянул свой, как вдруг его в очередной раз кто-то толкнул. Пропуск вывалился из слабых рук на грязный пол. Герой тяжело нагнулся, чтобы поднять его, но один из цензоров впопыхах случайно наступил на карточку.

— Ой, простите. — сказал он на удивление вежливо, поднял пропуск и протянул его владельцу. — Честно, не хотел.

Искатель молча принял пропуск обратно и на секунду осмотрел цензора. Это был старенький мужчина лет шести-

десяти, лицо которого было укутано морщинами. Его коричневый пиджак предавал образу старика уверенности и неоднозначности.

Надзиратель принял карточку, и наш герой направился по лестнице вверх. Он пытался идти быстрее, но по пути его то ли дело обгоняли другие писатели.

Он добрался до третьего этажа. В ноздри ударил резкий запах металла. Все писатели уселись за свои печатные машинки, пока Искатель стоял на месте и осматривал помещение. На полу лежало чья-то недоеденная еда. Стены были сооружены на скорую руку. Из потолка торчали трубы и из них капала серая вода.

Искателю досталось место у окна. Он присел на тёмный стульчик и посмотрел на немытое стекло. За ним был лес. И теперь парню не было ничего важно кроме этого леса. Его компьютер заменили на печатную машинку, но его не волновало и это. Вечность смотрел бы он на эти деревья, сочинял стихи, рисовал картины и показывал их всему миру. Он бы мог сочинять прозу о чём угодно: о красивых цветах, ярком дневном небе или даже... о любви.

Но, вернувшись к своей работе, он начал печатать очередной военный роман. Постоянное клацанье доставляло меньше шума, если он боковым зрением смотрел в окно. Туман, казалось, теперь не так сильно беспокоил его.

Сзади слышались шаги. Причём это был не привычный стук каблуков, а что-то иное. Это были тихие шаги того ста-

рика в коричневом пиджаке. Он подошёл к столу героя и взял парочку листов на проверку. Искатель затаил дыхание и уставился в окно. Цензор заметил это и тепло засмеялся.

— Вас, кажется, так завораживает этот вид?

Парень вздрогнул и отрёкся от пейзажа. Цензор понимал, почему писателя так пугают его слова.

Оба одновременно вздохнули. Искатель весь сконфузился. Парень посмотрел в глаза старика и увидел в них... скорбь? Герой не поверил этому и опустил свой взгляд в пол от смущения.

Старый цензор положил бумагу прямо перед писателем и начал медленно указывать ему на «ошибки» в тексте, которые «неприменно следовало бы убрать». Однако старик отзывался об этом не со строгостью, а с тихой грустью. С такой грустью, которая не режет душу, но непременно оставляет на ней небольшой осадок.

— Что ж, вы всё поняли? — спросил старик, и парень вновь посмотрел ему в глаза.

Герой утвердительно кивнул и цензор, попутно тяжело дыша, направился к другим писателям.

Весь день прошёл скорой птицей. Искатель дописывал последние предложения в очередном военном романе. Он снова взглянул в окно. Стемнело, но туман всё ещё оседал. Парень пропечатал последнее предложение: «И помер он под озером, и будут помнить его в Окдине во все времена».

Герои его собственных произведений смешались у него в

голове. Они были как один похожи: и портретом, и характером, и поведением. Каждый брал в руки оружие, каждый проливал какое-то количество крови. Но никто из них не задавался вопросом: за что эта кровь? Зачем мы убиваем? Почему идёт война?

Этими вопросами вскользь задавался Искатель, но никак ни его герои.

Так он вышел на улицу. Стояла тихая, туманная ночь. Светилось несколько ржавых фонарей. Герой прошёлся до остановки вместе со всеми писателями. Различные мысли уже перестали возникать. Как обычно он слышал отрывки фраз про романы, про то, как самим сочинителям жалко своих героев. Война, война, война... когда этот шум прекратится? Беспольный шум, который не несёт в себе никакой иной нагрузки, кроме нагнетания.

Приехал голубой автобус. Искатель зашёл в него पहले всех, сел в этот раз на место у водителя. Все писатели тоже расположились и читали новый выпуск «Ока правды», вышедший этим вечером.

Парень решил впервые за долгое время осмотреть водителя. Это был упитанный мужчина лет сорока. На голове у него была фуражка с изображением ока — государственный символ Окдина.

«Око, что видит далеко, замечает всю жизнь многогранную» — отдавался в ушах возглас каждый раз, когда виден был этот символ. Искатель слышал это ещё в школе, в те вре-

мена, когда литература дышала и действительно отображала «жизнь многогранную».

Герой вспомнил, как хотел стать писателем ещё в средней школе. Вдруг в горле у него пересохло, а тело потеряло равновесие. Водитель заметил это боковым зрением и усмехнулся.

— Что, заработались? — спрашивал он весело. — Да уж, тяжело вам, несчастные!

Искатель ухватился за шест и смог устоять на ногах. Речь водителя будто поставили его на место. Однако героя заинтересовало одно слово мужчины, и он решил впервые за долгое время поговорить с кем-то:

— Несчастные?

— Ну да, это ведь такой труд! Вечные бумаги, подбор слов, предложений, метафор в конце концов! — отдышался водитель. — Но роль ваша очень важна, не спорю. Такая литература будет необходима всегда-а-а!

Он пропел своё «а» ещё несколько секунд. Парень мельком посмотрел на серый руль и спросил:

— А вы счастливы?

Водитель смутился — вопрос был слишком резкий. Он начал подбирать слова, что-то мямлить.

— Я? Счастлив ли я? — выговорил он, крутя баранку направо. — Ну, спросите ещё... конечно! Государство дало мне квартиру, одело, прокормило, в конце концов работа есть! Большего мне и не надо.

— А почему вы отвечаете так неуверенно?

Собеседник отвернулся. Пустота, что была в Искателе, словно перемешалась с пустотой водителя. Но мужчина улыбнулся и продолжил крутить баранку как ни в чём не бывало.

— Вернецкая! — выкрикнул он название остановки.

Наружу никто не вышел, но в салон зашёл худой мужчина в тёмном пальто. Он держал правую руку в кармане. Толпа писателей посмотрела на него мимолётным взглядом и дальше принялась читать газету. И лишь Искателю он показался слишком выделяющимся из-за своей фигуры, походки, и, в конце концов, тёмными солнцезащитными очками. Сейчас было лето, но в Окдине не принято носить такие очки, ведь они скрывают глаза. Это часть традиции.

Искатель прокашлялся, когда увидел, что худой мужчина тоже сел рядом с водителем. Наш герой встал, неловко стряхнул с себя какую-то грязь, и ушёл чуть дальше вглубь салона, окружив себя толпой других писателей.

Мужчина встал и подошёл к водителю почти вплотную. Тот в ответ лишь посмотрел на него косым взглядом.

И вдруг Искатель вспомнил. В одном из романов ему приходилось описывать жителей Солказии. Одна из их отличительных черт — робкая, но выделяющаяся походка и ношение солнцезащитных очков.

Он захотел вскрикнуть, но в горле встал ком. Герой осмотрелся: взгляды всех были прикованы к газете.

Вдруг он услышал слова худого. Тихие, едва приметные, но слух у парня острый:

— Останови машину.

— С чего бы? — доносилась насмешка водителя.

Все вокруг до сих пор читали. Им думалось, что водитель всё ещё общается с Искателем.

Мужчина в чёрном глубоко вздохнул и вынул из кармана пальто тёмный пистолет. Крохотный, неприметный, но даже этого достаточно, чтобы оборвать чью-то жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.